

Реконструкция глагольного спряжения в самодийских языках: лично-числовые показатели индикатива и форманты типов спряжения

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург);
urmanna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3045-3807

Аннотация. Статья посвящена реконструкции лично-числовых парадигм самодийских языков и истории формирования этих парадигм. Как хорошо известно специалистам по самодийским и уральским языкам, наиболее богатая система спряжения в ненецком, энецком и нганасанском, где в глагольной парадигме выделяется три типа спряжения, представленных четырьмя рядами лично-числовых показателей: показатели субъектного спряжения, показатели объектного спряжения при объекте единственного числа, показатели объектного спряжения при объекте двойственного / множественного числа и показатели рефлексивного спряжения). Дополнительные морфологические преобразования грамматической основы (= части глагольной словоформы со всеми грамматическими показателями, исключая лично-числовые аффиксы) указывают также на необходимость реконструировать форманты двух типов спряжения: объектного при объекте двойственного / множественного числа и рефлексивного. Естественно, тема реконструкции глагольного спряжения в самодийских языках не нова. Тем не менее в статье уточняется фонетическая реконструкция лично-числовых показателей, обосновывается сохранение ими фонетической неэлементарности как в прасамодийском, так и в прасеверносамодийском, впервые предлагается реконструкция форманта рефлексивного спряжения.

Ключевые слова: самодийские языки, глагольное спряжение, лингвистическая реконструкция.

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-01975 «Историческая грамматика самодийских языков».

Reconstruction of verbal conjugation in Samoyedic languages: Personal inflexions of the indicative and markers of conjugation types

Anna Yu. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia,
St. Petersburg); urmana@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3045-3807

Abstract. The article addresses reconstruction of the verbal conjugation in Samoyedic languages. As is well known, their conjugation system is the richest in Nenets, Enets and Nganasan, where the verbal paradigm shows four series of personal affixes (the subjective conjugation, the objective conjugation used for objects in the singular, the objective conjugation used for objects in the dual/plural, and the reflexive conjugation). Additional morphophonological transformations of the grammatical stem also point to the need for reconstructing the formants for two conjugation types — the objective conjugation with dual/plural objects and the reflexive conjugation. Although the idea of the need for verbal conjugation reconstruction in the Samoyedic languages is not new, the article specifies the phonetic reconstruction of personal suffixes as 1Du *-mә-in², 2Du *-rә-in² in the objective conjugation for singular objects (instead of *-min², *-rin², as proposed earlier). The main argument for reconstruction of the vowel sequence is a twofold reflexation: in Nganasan we find the phonetic development path like *-mә-in² > -mә-jn² > -MI^C (the plain final **ŋ* would result in *j* in Nganasan, but we also cannot reconstruct the final **n* on the base of Selkup correspondences like -mī; thus the only option left is reconstruction of the final -jn² for Proto-Nganasan), whereas in Tundra Nenets the path is like *-mә-in > -mә-in > -mәih > -mih (the plain Proto-Samoyedic or Proto-Northern Samoyedic **i* would result in *ә* in Proto-Nenets — thus the correct reconstruction implies a vowel sequence). This means, that the personal suffixes have preserved their complex character both in Proto-Samoyedic and in Proto-Northern Samoyedic. The paper for the first time proposes a reconstruction of the reflexive conjugation formant **ŋ* on the base of the nasal element of personal suffixes in Nganasan (like 2P1 -N-TUʔ or 3P1 -N-TƏʔ in the reflexive conjugation) and on the base of morphophonological modifications of the grammatical stem in the reflexive conjugation (though these modifications by and large resemble the modifications before the **j*, they are not identical with them in Tundra Nenets). From the point of view of historical phonetics, the development of this **ŋ* of the reflexive conjugation matches the phonetic development of the derivational

suffix **-ń* of verbs with medial semantics, still preserved in its original form in Nganasan, cf. Nganasan *hi-n-* ‘to be cooked’.

Keywords: Samoyedic languages, verbal conjugation, linguistic reconstruction.

Acknowledgments: The study was supported by the RSF grant No. 22-28-01975 “Historical Grammar of the Samoyedic Languages”.

1. Введение

Статья посвящена реконструкции лично-числовых парадигм самодийских языков и истории формирования этих парадигм. Самодийские языки составляют отдельную группу в составе уральской семьи языков. Они подразделяются на южносамодийские (селькупский и камасинский) и северносамодийские (к которым относятся нганасанский, лесной и тундровый энецкий, лесной и тундровый ненецкий и маторский¹). Далее в тех случаях, когда не важны различия между лесным и тундровым энецким и различия между лесным и тундровым ненецким, используются общие термины «энецкий язык» и «ненецкий язык».

Хорошо известно, что в самодийских языках представлено разное число серий лично-числовых показателей. Наиболее богата система спряжения в ненецком, энецком и нганасанском. В этих языках в глагольной парадигме представлено четыре ряда лично-числовых показателей; традиционно в описании они разделяются на три типа спряжения: *субъектное* (далее обозначается S), *объектное*, состоящее из двух рядов лично-числовых показателей, первый из которых употребляется при объекте единственного числа (далее обозначается Osg), а второй — при объекте множественного / двойственного

¹ Об отнесении маторского к северносамодийским см. [Хелимский 1997 рук. / 2022]. Впрочем, в рамках данной работы маторский материал будет использоваться в минимальной степени, так как в имеющихся данных по маторскому отсутствуют парадигмы.

числа (далее — Odu/pl), и *рефлексивное*, или *возвратное* (далее — R). Выбор типа спряжения в северносамодийских зависит от нескольких факторов:

- (i) все переходные глаголы могут изменяться по субъектному либо объектному типу спряжения. При объекте 1-го и 2-го лица всегда употребляется субъектное спряжение, при объекте 3-го лица выбор глагольного оформления зависит от того, является ли объект топилом данного текстового фрагмента (используется объектное спряжение) или нет (используется субъектное спряжение);
- (ii) некоторые переходные глаголы могут принимать флексии всех трех типов спряжения; в том случае, если переходный глагол оформляется флексиями рефлексивного спряжения, он становится непереходным, приобретая чаще всего рефлексивно-декаузативное значение²;
- (iii) все непереходные имперфективные глаголы принимают флексии субъектного спряжения;
- (iv) непереходные перфективные глаголы принимают флексии субъектного либо рефлексивного спряжения; выбор типа спряжения в этом случае либо является словарной информацией, либо обусловлен определенными грамматическими характеристиками глагольной основы (так, например,

² В разных северносамодийских языках число переходных глаголов, допускающих три типа спряжения, различается. В энецком таких глаголов относительно немного, см. исследование [Khanina, Shluinsky 2019]. В ненецком это достаточно регулярный процесс: в морфологическом словаре тундрового ненецкого [Salminen 1998] легко обнаружить немалое число глаголов с индексом *Vt-r*, указывающим на возможность чередования типов спряжения при переходном глаголе, а также — при некотором нерегулярном семантическом соотношении переходных и непереходных употреблений одной и той же основы — немалое число таких пар омонимичных глаголов, в которых один, переходный, имеет индекс *Vt*, а второй, непереходный, имеет индекс *Vr*. Наличие таких глаголов в нганасанском отмечено в [Wagner-Nagy 2018: 228, 340], но в этой грамматике ничего не говорится о том, насколько обширен этот класс.

глагольные основы, содержащие показатель инхюатива или показатель пассива, требуют личных показателей рефлексивного спряжения).

Рассматривая лично-числовые показатели Opl-спряжения и R-спряжения в ненецком, энецком и нганасанском, надо учитывать, что они вызывают фонетическую модификацию грамматической основы (= части глагольной словоформы со всеми грамматическими показателями, исключая лично-числовые аффиксы). Специалистам по самодийским языкам это явление также хорошо известно, предвзвительно его можно проиллюстрировать сопоставлением показателей аориста и прошедшего времени интеррогатива в Osg-спряжении (где показатель выступает в исходной форме) и в Opl-спряжении (где показатель фонетически модифицирован):

Таблица 1. Фонетическая модификация грамматической основы в Opl-спряжении

Table 1. Phonetic modification of the grammatical stem in the Opl-conjugation

	Osg3	Opl3
	Аорист (в нганасанском — интеррогатив настоящего времени)	
	‘ест его’	‘ест их многих’
тундровый ненецкий	<i>ηəwor-ηa-da</i>	<i>ηəwor-ÿä-da</i>
тундровый энецкий	<i>ôô-ηa-ða</i>	<i>ôô-ηe-ða</i>
нганасанский	<i>ηəмур-ηу-зү</i>	<i>ηəмур-ηа-чу</i>
	Интеррогатив прошедшего времени (в нганасанском — претерит индикатива)	
	‘ел его’	‘ел их многих’
тундровый ненецкий	<i>ηəwor-sa-da</i>	<i>ηəwor-si-da</i>
тундровый энецкий	<i>ôô-d'a-ða</i>	<i>ôô-d'e-ða</i>
нганасанский	<i>ηəмур-сүä-зү</i>	<i>ηəмур-сүи-чу</i>

Очевидно, что это чередование — след некоторого дополнительного показателя, маркирующего тип спряжения. Таким образом, необходимо реконструировать не только отдельно взятые ряды лично-числовых показателей, но и модель глагольной словоформы в каждом из типов спряжения: в некоторых парадигмах в позиции перед лично-числовым показателем, очевидно, был еще один слот — для показателя типа спряжения.

В селькупском и камасинском³ система спряжения выступает в существенно более редуцированном виде в сравнении с тремя названными северносамодийскими языками. В обоих этих языках нет рефлексивного спряжения, в обоих языках сохраняется противопоставление субъектного и объектного спряжения, но не противопоставлены Osg-спряжение и Odu/pl-спряжение. В селькупском два типа спряжения различаются только при субъекте единственного числа всех трех лиц и при субъекте 3Du, в камасинском — только при субъекте 3-го лица всех трех чисел.

История серий лично-числовых показателей реконструируется с различной степенью надежности: наиболее прозрачна история объектного спряжения, тогда как история субъектного и рефлексивного спряжения вызывает больше вопросов.

Статья построена следующим образом: в *Разделе 2* приведены лично-числовые показатели самодийских языков, в *Разделе 3* дается реконструкция глагольных спряжений: в *3.1* — объектного, в *3.2* — субъектного, в *3.3* — рефлексивного. В *Заключении* подводятся итоги исследования.

³ Данные по маторскому языку (для которого собирались только словарные списки), конечно, практически не дают возможности получить представления о глагольной парадигме, поэтому они не будут систематически рассматриваться в данной статье.

2. Лично-числовые показатели индикатива

Для следующих языков лично-числовые показатели даются в морфологической транскрипции, что приближает нас к этапу внутренней реконструкции показателей: для тундрового ненецкого, нганасанского и селькупского (используется морфологическая транскрипция цитируемых источников) и для лесного и тундрового энецкого (транскрипция разработана в рамках данной статьи с использованием основных принципов транскрипции, применяемой для тундрового ненецкого в [Salminen 1997]).

Таблица 2. Лично-числовые показатели индикатива в тундровом ненецком (дается по [Salminen 1997])

Table 2. Personal inflexions of the indicative in Tundra Nenets (according to [Salminen 1997])

	S	Osg	Odu / Opl	R
1Sg	$-d^{\circ}m \sim -m^{\circ}h^4$	$-w^{\circ}$	$-n^{\circ}$	$-w^{\circ}q$
1Du	$-nyih$	$-myih$	$-nyih$	
1Pl	$-waq$		$-naq$	
2Sg	$-n^{\circ}$	$-r^{\circ}$	$-d^{\circ}$	$-n^{\circ}$
2Du	$-dyih$	$-ryih$	$-dyih$	
2Pl	$-daq$	$-raq$	$-daq$	
3Sg	$-\emptyset$	$-da$		$-q$
3Du	$-x^{\circ}h$	$-dyih$		$-x^{\circ}h$
3Pl	$-q$	$-doh$		$-d^{\circ}q$

⁴ Показатель $m^{\circ}h$ используется в западных диалектах.

Таблица 3. Лично-числовые показатели индикатива в энецком (ТЭ — тундровый энецкий, ЛЭ — лесной энецкий; ТЭ дается по [Castrén 1854] и полевым материалам Е. А. Хелимского, ЛЭ — по [Castrén 1854; Ханина, Шлуинский 2015])

Table 3. Personal inflexions of the indicative in Enets (TE — Tundra Enets, FE — Forest Enets; TE is given according to [Castrén 1854] and field materials by E. A. Helimsky, FE — according to [Castrén 1854; Khanina, Shluinsky 2015])

	S	Osg	Odu/Opl	R
1Sg	<i>-δoh</i>	<i>-bo</i>	<i>-no</i>	ТЭ <i>-boh</i> ~ ЛЭ <i>-bih</i>
1Du	<i>-bih</i>		<i>-nyih</i>	
1Pl	<i>-baq</i>		<i>-naq</i>	
2Sg	<i>-do</i>	<i>-ro</i>	<i>-δo</i>	ТЭ <i>-do</i> ~ ЛЭ <i>-dyi</i>
2Du	<i>-rih</i>		<i>-δih</i>	
2Pl	<i>-raq</i>		<i>-δaq</i>	
3Sg	<i>-∅</i>	<i>-δa</i>		ТЭ <i>-q</i> ~ ТЭ, ЛЭ <i>-δoh</i>
3Du	ТЭ <i>-xoh</i> ~ ЛЭ <i>-xih</i>	<i>-δih</i>		ТЭ <i>-xoh</i> ~ ЛЭ <i>-xih</i>
3Pl	<i>-q</i>	<i>-δuh</i>		<i>δoh</i>

Таблица 4. Лично-числовые показатели индикатива в нганасанском (дается по [Хелимский 1994])

Table 4. Personal inflexions of the indicative in Nganasan (according to [Helimsky 1994])

	S	Osg	Odu/Opl	R
1Sg	<i>-M ~ -TƏM⁵</i>	<i>-MƏ</i>	<i>-NƏ</i>	<i>-NƏ</i>
1Du	<i>MI^C</i>		<i>-NI^C</i>	<i>-NI^C</i>
1Pl	<i>MU?</i>		<i>-NU?</i>	<i>-NU?</i>
2Sg	<i>-D</i>	<i>-RƏ</i>	<i>-TƏ</i>	<i>-D</i>
2Du	<i>-RI^C</i>		<i>-TI^C</i>	<i>-NTI^C</i>
2Pl	<i>-RU?</i>		<i>-TU?</i>	<i>-NTU?</i>
3Sg	<i>-∅</i>	<i>-TU</i>		<i>-ʔ ~ -TƏ^C</i>
3Du	<i>-KƏJ</i>	<i>-TI^C</i>		<i>-NTI^C</i>
3Pl	<i>-ʔ</i>	<i>-TUI</i>		<i>-NTƏʔ</i>

⁵ Используется в императивной парадигме.

Таблица 5. Лично-числовые показатели индикатива в селькупском (дается по [Alatalo, Ms.]⁶)

Table 5. Personal inflexions of the indicative in Selkup (according to [Alatalo, Ms.]

	S	O
1Sg	<i>-aŋ</i>	<i>-am(ə)</i>
1Du	<i>-ji ~ -mī</i>	
1Pl	<i>-mət</i>	
2Sg	<i>-antə</i>	<i>-al(ə)</i>
2Du	<i>-lī</i>	
2Pl	<i>-lət</i>	
3Sg	<i>-∅ (-a, -ə)</i>	<i>-tə</i>
3Du	<i>-kə ~ -kī (PIOK)</i>	<i>-ī</i>
3Pl	<i>-tət (~ -t (H) ~ -tən (O))</i>	

⁶ При наличии опубликованных источников по селькупскому ([Castrén 1854; ОчСЯ 1980] и мн. др.) я остановила свой выбор на неопубликованной работе Я. Алатало, так как в ней приводится морфонологическая запись показателей и обобщен материал по всем селькупским диалектам. В таблице для указания на селькупский диалект используются же сокращения, принятые в [Alatalo 2004]: Р — северный диалект, Т — тымский диалект, Н — диалект, распространенный на Васюгане и Парабели, I — иванкинский диалект, О — верхнеобской диалект, К — кетский диалект.

Таблица 6. Лично-числовые показатели индикатива в камасинском (дается по [Donner, Joki 1944])⁷

Table 6. Personal inflexions of the indicative in Kamas (according to [Donner, Joki 1944])

	S	O
1Sg	<i>-m ~ -təm</i> ⁸	
1Du	<i>-b^ui</i>	
1Pl	<i>-bεʔ</i>	
2Sg	<i>-ʌ</i>	
2Du	<i>-ʌ^ui</i>	
2Pl	<i>-lεʔ</i>	
3Sg	<i>-∅ ~ -i</i>	<i>-t</i>
3Du	<i>-g^ui</i>	<i>-dʔi</i>
3Pl	<i>-iʔ</i>	<i>-dɛn</i>

⁷ Обзор всех аллофонов по всем источникам можно найти в [Künnap 1978: 11–27].

⁸ Используется в императивной парадигме. Зафиксировано в [Castrén 1854: 371], где указано, что в 1-м лице единственного числа в императивной парадигме перед лично-числовой морфемой употребляется показатель *št*, а в 1-м лице двойственного и множественного — показатель *s*. Как справедливо отмечается в [Alatalo Ms], логичнее считать, что во всех трех числах употребляется один и тот же показатель склонения, а отнесенное М. Кастреном к показателю склонения /t/ в формах 1Sg типа *amnoštum* ‘я бы сел’ (цитируется по [Künnap 1978: 91]) является частью личного показателя (т. е. процитированная словоформа членится как *amno-s-š-tum*).

Таблица 7. Лично-числовые показатели индикатива в маторском
(дается по [Helimski 1997])

Table 7. Personal inflexions of the indicative in Mator
(according to [Helimsky 1994])

	S
1Sg	<i>-m / -sin / ? -na</i>
2Sg	<i>? -ŋ</i>
3Sg	\emptyset
1Du	?
2Du	?
3Du	?
1Pl	?
2Pl	?
3Pl	?

3. Реконструкция лично-числовых показателей индикатива

3.1. Реконструкция показателей объектного спряжения

Как уже упоминалось выше, прозрачнее всего реконструкция серии объектных показателей индикатива. Хорошо известно также (см., например, [Janhunen 1998: 470]), что по происхождению показатели этой серии связаны с посессивными именными показателями. В свою очередь (что также хорошо известно), формы посессивных именных показателей различаются в зависимости от падежа и от числа обладаемого (о реконструкции различных серий самодийских посессивных

показателей см. [Хелимский 1983/2000]). Полный параллелизм следующих серий посессивов и личных показателей объектного спряжения сохраняется в том числе и на синхронном уровне:

— в ненецком, энецком и нганасанском все флексии объектного спряжения при объекте единственного числа имеют соответствие среди флексий номинатива посессивного склонения при единственном числе обладаемого, все флексии объектного спряжения при объекте двойственного / множественного числа имеют соответствие среди флексий номинатива / аккузатива посессивного склонения при двойственном / множественном числе обладаемого⁹:

Таблица 8. Сопоставление лично-числовых показателей объектного спряжения с посессивными показателями в тундровом ненецком (формы показателей даны по [Salminen 1997])

Table 8. Comparison of inflexions of object conjugation with possessive inflexions in Tundra Nenets (morphemes are given according to [Salminen 1997])

	Osg	Poss. Nom. Sg	Odu / Opl	Poss.Nom.Du/Pl
1Sg	-w°	-w° ~ -myi ~ -myih	-n°	-n° ~ -nyi
1Du	-myih	-myih	-nyih	-nyih
1Pl	-waq	-waq	-naq	-naq
2Sg	-r°	-r°	-d°	-d°
2Du	-ryih	-ryih	-dyih	-dyih
2Pl	-raq	-raq	-daq	-daq
3Sg	-da	-da	-da	-da
3Du	-dyih	-dyih	-dyih	-dyih
3Pl	-doh	-doh	-doh	-doh

⁹ Обратное неверно: среди посессивных показателей есть такие варианты, которые не имеют параллелей среди глагольных лично-числовых показателей объектного спряжения.

Таблица 9. Сопоставление лично-числовых показателей объектного спряжения с possessивными показателями в энецком (формы показателей даны по полевым материалам Е. А. Хелимского и дополнены по [Khanina, Shluinsky 2023])

Table 9. Comparison of inflexions of object conjugation with possessive inflexions in Enets (morphemes are given according to field materials of E. A. Helimsky and supplemented according to [Khanina, Shluinsky 2023])

	Osg	Poss. Nom. Sg	Odu / Opl	Poss.Nom.Du/Pl
1Sg	<i>-bo</i>	<i>-bo ~ -bi?</i> (<i>< *-bih</i>)	<i>-no</i>	ТЭ <i>-no ~ -ní?</i> (<i>< *-nih</i>)
1Du	<i>-bih</i>	<i>-bih</i>	<i>-nih</i>	<i>-nih</i>
1Pl	<i>-baq</i>	<i>-baq</i>	<i>-naq</i>	<i>-naq</i>
2Sg	<i>-ro</i>	<i>-ro</i>	<i>-do</i>	<i>-do</i>
2Du	<i>-rih</i>	<i>-rih</i>	<i>-dih</i>	<i>-dih</i>
2Pl	<i>-raq</i>	<i>-raq</i>	<i>-daq</i>	<i>-daq</i>
3Sg	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>
3Du	<i>-dih</i>	<i>-dih</i>	<i>-dih</i>	<i>-dih</i>
3Pl	<i>-duh</i>	<i>-duh</i>	<i>-duh</i>	<i>-duh</i>

Таблица 10. Сопоставление лично-числовых показателей объектного спряжения с possessивными показателями в нганасанском (формы показателей даны по [Хелимский 1994])

Table 10. Comparison of inflexions of object conjugation with possessive inflexions in Ngasan (morphemes are given according to [Helimsky 1994])

	Osg	Poss. Nom. Sg	Odu / Opl	Poss.Nom/Acc. Du/Pl
1Sg	<i>-MƏ</i>	<i>-MƏ</i>	<i>-NƏ</i>	<i>-NƏ</i>
1Du	<i>-M^C</i>	<i>-M^C</i>	<i>-N^C</i>	<i>-N^C</i>
1Pl	<i>-MUʔ</i>	<i>-MUʔ</i>	<i>-NUʔ</i>	<i>-NUʔ</i>
2Sg	<i>-RƏ</i>	<i>-RƏ</i>	<i>-TƏ</i>	<i>-TƏ</i>
2Du	<i>-R^C</i>	<i>-R^C</i>	<i>-T^C</i>	<i>-T^C</i>
2Pl	<i>-RUʔ</i>	<i>-RUʔ</i>	<i>-TUʔ</i>	<i>-TUʔ</i>
3Sg	<i>-TU</i>	<i>-TU</i>	<i>-TU</i>	<i>-TU</i>
3Du	<i>-T^C</i>	<i>-T^C</i>	<i>-T^C</i>	<i>-T^C</i>
3Pl	<i>-TUḐ</i>	<i>-TUḐ</i>	<i>-TUḐ</i>	<i>-TUḐ</i>

— в селькупском и камасинском, как уже говорилось выше, есть единственная серия показателей объектного спряжения. Ниже приводятся полные парадигмы глагольного спряжения в селькупском и камасинском в сопоставлении с притяжательными показателями номинатива при единственном числе обладаемого: это, в частности, позволяет увидеть, что в большинстве случаев, в которых имеет место нейтрализация противопоставления субъектного и объектного спряжений, в парадигме сохраняются именно показатели старого объектного спряжения:

Таблица 11. Сопоставление лично-числовых показателей объектного спряжения с посессивными показателями в селькупском (формы показателей даны по [Alatalo, Ms.]

Table 11. Comparison of inflexions of object conjugation with possessive inflexions in Selkup (morphemes are given according to [Alatalo, Ms.]

	S	O	Poss. Nom. Sg
1Sg	<i>-aŋ</i>	<i>-am(ə)</i>	<i>-mə</i>
1Du	<i>-ji ~ -mī</i>		<i>-mī</i>
1Pl	<i>-mət</i>		<i>-mət</i>
2Sg	<i>-antə</i>	<i>-al(ə)</i>	<i>-lə</i>
2Du	<i>-lī</i>		<i>-lī</i>
2Pl	<i>-lət</i>		<i>-lət</i>
3Sg	<i>-∅ (-a, -ə)</i>	<i>-tə</i>	<i>-tə</i>
3Du	<i>-kə ~ -kī (PIOK)</i>	<i>-tī</i>	<i>-tī</i>
3Pl	<i>-tət (~ -t (H) ~ -tən (O))</i>		<i>-tət¹⁰</i>

¹⁰ Как показано в [Alatalo, Ms.], чередования финального гласного основы при формообразовании свидетельствуют о том, что именно посессивный показатель

Таблица 12. Сопоставление лично-числовых показателей объектного спряжения с посессивными показателями в камасинском (формы показателей даны по [Donner, Joki 1944])

Table 12. Comparison of inflexions of object conjugation with possessive inflexions in Kamas (morphemes are given according to [Donner, Joki 1944])

	S	O	Poss.Nom.Sg
1Sg	<i>-m ~ təm</i>		<i>-m</i>
1Du	<i>-b^wi</i>		<i>-b^wi</i>
1Pl	<i>-bεʔ</i>		<i>-bεʔ</i>
2Sg	<i>-ɬ</i>		<i>-ɬ</i>
2Du	<i>-ɬ^wi</i>		<i>-ɬ^wi</i>
2Pl	<i>-lεʔ</i>		<i>-lεʔ</i>
3Sg	<i>∅ ~ -i</i>	<i>-t</i>	<i>-t</i>
3Du	<i>-g^wi</i>	<i>-d^wi</i>	<i>-d^wi</i>
3Pl	<i>-iʔ</i>	<i>-dən</i>	<i>-dən</i>

восходит к *-tat, тогда как глагольный — к *-tət, то есть в данном случае параллелизма не наблюдается.

Для прасамодийского можно реконструировать как минимум объектное спряжение при объекте единственного числа (так как в южносамодийских языках не представлена отдельная серия показателей Opl). Реконструкция праформ предложена в [Janhunen 1998], поддержана в [Mikola 2004]:

Таблица 13. Праформы лично-числовых показателей Osg (по [Janhunen 1998; Mikola 2004]) и их рефлексы в языках-потомках

Table 13. Reconstruction of personal inflexions of Osg-conjugations (according to [Janhunen 1998; Mikola 2004]) and reflexes in Samoedic languages

	ПС	т. нен.	эн.	нг.	ск.	км.
1Sg	*-m̄	-w°	-bo	-M̄	-am(ə)	-m
1Du	*-m̄i	-myih	-bih	-MI ^C	-m̄i	-b ^u i
1Pl	*-m̄at	-waq	-baq	-MU?	-m̄at	-bε?
2Sg	*-r̄	-r°	-ro	-R̄	-al(ə)	-l
2Du	*-rī	-ryih	-rih	-RI ^C	-l̄i	-d ^u i
2Pl	*-r̄at	-raq	-raq	-RU?	-l̄at	-lε?
3Sg	*-t̄	-da	-δa	-TU	-t̄	-t
3Du	*-tī	-dyih	-δih	-TI ^C	-t̄i	-d ^u i
3Pl	*-ton (с.-сам.) *-t̄n (км.) *-t̄t (ск.)	-doh	-δuh	-TUD	? -t̄n (O) -t̄t	-d̄n

На прасамодийский уровень невозможно однозначно возвести только показатель 3Pl: в ненецком, энецком и нганасанском представлен рефлекс *-ton, в камасинском — рефлекс *-t̄n, в селькупском — рефлекс *-t̄t. Возможно, для селькупского и камасинского следует

реконструировать общую праформу $*-t\acute{a}n$, предполагая, что в селькупском произошло изменение финального согласного в глагольном суффиксе 3PI под влиянием именного possessивного суффикса 3PI $-t\acute{a}t$ ($< *-tat$).

В литературе, применительно и к праязыку, и к отдельным самодийским языкам, неоднократно отмечалась морфологическая неэлементарность по крайней мере некоторых из показателей, приведенных в *Таблице 13* (ср., например, [Kórtvély 2005; Salminen 1997]): выделяются морфемы, указывающие на число субъекта ($*\acute{i}$ — двойственное число во всех трех лицах, $*t$ — множественное число в 1-м и 2-м лице; очевидно, прослеживается также параллелизм в морфемах, обозначающих лицо локутора: $*-m\acute{a}\hat{e}- / *-mi- / *-ma^{\circ}$ — 1-е лицо, $*-r\acute{a}\hat{e}- / *-ri- / *-ra-$ — 2-е лицо).

Эта реконструкция является общепринятой, однако она требует определенных уточнений.

Нганасанские показатели субъекта двойственного числа не сводятся к праформам с финальным $*\acute{i}$. В этом случае в нганасанском показатели имели бы вид $**\text{-}MIJ$, $**\text{-}RIJ$, $**\text{-}TIJ$, а не $\text{-}MI^C$, $\text{-}RI^C$, $\text{-}TI^C$, ср. в нганасанском рефлексы одиночного финального $*\acute{i}$:

$*to(\acute{a})\acute{n}$ ‘одеяло’ > нг. *чуўй* [GenSg *чуўне?*, GenPl *чуўнү?*; 3Sg *чуўчу*]¹¹;

$*po(\acute{a})\acute{n}$ ‘промежуток’ > нг. *хуой* [GenSg *хуоне?*, GenPl *хуони?*; 3Sg *-чу*] ‘граница, место соединения чего-л.’¹².

Ожидаемое соответствие в ауслаутной позиции $*\acute{i}$ > нг. *j* мы находим, кроме двух названных слов, в показателе двойственного числа $*k\acute{a}\acute{n}$ > нг. *-k\acute{a}j* (используется в номинативе двойственного числа именного непосессивного склонения и как показатель субъекта

¹¹ Это нг. слово имеет соответствие в т. нен. *toh* (*n:y+o*), ск. (произв.) *tojás*, сюда же относится производный глагол км. (произв.) *tui-dull'em* ‘накрывать’, *tui-d\acute{a}l\acute{o}l'am* ‘накрываться’, см. [Alatalo 2004: 1146].

¹² Это нг. слово имеет соответствие в т. нен. *po\acute{h}* (*n:y+o*), эн. *pu?* (ср. также производный глагол т. эн. *puoir-* ‘сплачивать (предметы)’).

двойственного числа в парадигме субъектного спряжения). В т. нен. этот показатель выступает в виде *xəh* (двойственное число имени непосессивного склонения, субъект двойственного числа в парадигме субъектного спряжения). При этом в посессивной парадигме имени и как маркер двойственного числа объекта этот же показатель выступает в форме т. нен. *-xəui*, то есть в тундровом ненецком налицо чередование *n:ü*, указывающее на **ñ*). В энецком когнантный показатель имеет вид *xoh* (двойственное число имени непосессивного склонения, субъект двойственного числа в парадигме субъектного спряжения), в селькупском он же выступает в виде *-kī*. Для камасинского А. Кюннап [Kuinnap 1971: 18] указывает единственную форму двойственного числа, встретившуюся в текстах К. Доннера: *kayāzəgej* ‘два брата’ и выделяет составной показатель *-zəgej*, образованный соединением суффикса *-zə*, который соответствует показателю коннектива-реципрока других самодийских языков (употребление этого показателя обычно при терминах родства), и интересующего нас суффикса двойственного числа.

При этом в нганасанском в именной парадигме есть две формы, в которых суффикс двойственного числа выступает в форме *-KI^C*, которая фонетически как раз абсолютно параллельна суффиксам субъекта двойственного числа *-MI^C*, *-RI^C*, *-TI^C*. Это непритяжательные формы генитива и аккумулятива двойственного числа с показателем *-KI^C*.

Показатель генитива двойственного числа, очевидно, образован сочетанием показателя двойственного числа **-kəñ* с падежным показателем генитива мн. ч., который в [Janhunen 1998: 470] реконструируется как **-y-q*. Ю. Янхунен при этом использует те же принципы записи, которые используются для ненецкого в [Salminen 1998], если перевести это в прасамодийскую транскрипцию, используемую в [Janhunen 1977], мы получим праформу **-j-t³*. При этом следует предполагать, что после показателя двойственного числа **-kəñ*, имеющего консонантный ауслат, перед показателем генитива множественного числа **-j-t³*, начинающимся с согласного, появлялся протетический гласный **ə*, — так же, как он появляется перед этим показателем при склонении существительных с консонантными

основами, ср.: **mät-â-jt* ‘чум-GenPl’ > *mät-â-it* > нг. *таду?*, эн. *теду?*, т. нен. *туадоq*.

Соответственно, история нганасанского показателя GenDu -*KI^C* выглядит следующим образом:

*-*kâñ-â-j-t³* ‘GenDu’ > *-*kâñ-â-i-n*¹³ > *-*kâj-â-in* > *-*kâin* > нг. -*KI^C*.

Ту же фонетическую историю имеет энецкий показатель генитива двойственного числа -*xi?*. Так же развивается и форма элатива множественного числа в нганасанском и энецком. Форма элатива множественного числа образована сочетанием коаффикса локативных падежей *-*kâ* (см. [Гусев 2018]) с показателем генитива мн. ч. и показателем элатива (ср. реконструкцию *-*kø-y-(q-)tø* в [Janhunen 1998: 170] — в транскрипции [Janhunen 1977] эта праформа будет выглядеть как *-*kâ-j-(t³-)tâ*):

*-*kâ-j-t³-tâ* > *-*kâ-it-tâ* > *-*kâittâ* > нг. -*KI^CTð*, эн. -*xito*.

Соответственно, с опорой на нганасанский (и отчасти энецкий) материал показатели двойственного числа в субъектном спряжении могли бы реконструироваться как 1Du *-*mâ-jn²*, 2Du *-*râ-jn²*, 3Du *-*tâ-jn²*. Однако такой реконструкции противоречит то, что в южносамодийских языках развитие сочетания *j* + носовой согласный в анлауте дает иную картину. Рефлекс кластера **jn²* сохранился бы как носовой в камасинском и дал бы «новый», собственно селькупский ауслутивный *ñ*; предполагаемая рефлексация в камасинском и селькупском может быть проиллюстрирована следующим словом: **kälzjñ* ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63] > нг. *kal’i^c*, т. нен. *syal^oh*, эн. *seri?*, ск. *ḱālīñ*, км. *ḱālāñ*.

Можно предполагать для прасамодийского для субъектных показателей двойственного числа праформы типа 1Du *-*mâ-in²*, 2Du *-*râ-in²*, 3Du *-*tâ-in²*. Для камасинского и селькупского в этом случае предполагаем развитие типа **mâ-in²* > *-*miñ*: происходит

¹³ Во всех северносамодийских в данной форме следует предполагать изменение **t* генитивного показателя на *n* под влиянием **ñ* в показателе двойственного числа.

стяжение $*\hat{a}i$ в i (который вызвал палатализацию последующего $*n$). Вероятно, так же, через стяжение $*\hat{a}i > t$. нен. yi , шло развитие и в ненецком: ненецкий также отражает в этом суффиксе вокалическую последовательность, а не прасамодийский и даже не прасеверносамодийский одиночный $*i$, который сократился бы в ненецком, ср. т. нен. $pyency^{\circ}r$ 'бубен' (= нг. $he\acute{n}dir$; эн. $ped'i\acute{r}$), то есть мы имели бы 1Du $**m^{\circ}h$, 2Du $**ry^{\circ}h$, 3Du $**ty^{\circ}h$.

Наконец, следует отметить, что соответствия двух рассмотренных нганасанских именных суффиксов в ненецком имеют ∂ : GenDu т. нен. $-x\partial h$ (= нг. $-KI^C < *k\acute{h}\acute{n}-\hat{a}-j-t^3$), EIP1 т. нен. $-x\partial t\partial$ (= нг. $-KI^C T\partial < *k\acute{h}-j-t^3-t\hat{a}$). А в субъектных показателях двойственного числа мы имеем в ненецком не ∂ , а yi : $-myih$, $-ryih$, $-dyih$. Соответственно, по этой причине также оправданно выглядит иная реконструкция, с $*i$, а не с $*j$ в праформе.

Таким образом, реконструкция показателей двойственного числа субъекта показывает, что в прасамодийском и даже в прасеверносамодийском этот ряд суффиксов сохранял составной характер¹⁴.

Что касается маркеров субъекта множественного числа в парадигме объектного спряжения, у нас нет никаких формальных оснований реконструировать и в этом случае составной характер показателей. В данном случае мы можем с осторожностью опираться только на аналогию с показателями двойственного числа субъекта (предполагая, что и в этом случае 1-е лицо исходно было маркировано показателем $*-m\hat{a}-$, 2-е — показателем $*-r\hat{a}-$). Итак, реконструкция должна быть переписана следующим образом (см. *Таблицу 14*, с. 278).

На северносамодийском материале реконструируется и серия лично-числовых показателей объектного спряжения при объекте двойственного / множественного числа. В реконструкции ниже (см. *Таблицу 15*, с. 278) уточнены те же моменты, которые оговаривались выше при реконструкции показателей Osg.

¹⁴ Очевидно, что этот вывод может быть экстраполирован на именные посесивные показатели, тождественные глагольным показателям объектного спряжения.

Таблица 14. Уточненные праформы лично-числовых показателей Osg

Table 14. Refined protoforms of personal inflexions of Osg-conjugation

	ПСС
1Sg	*-mâ
1Du	*-mâ-in
1Pl	*-mâ-ât vs. *-mât
2Sg	*-râ
2Du	*-râ-in
2Pl	*-râ-ât vs. *-rât
3Sg	*-tâ
3Du	*-tâ-in
3Pl	*-ton (с.-сам.) *-tân (км.) *-tât (ск.)

Таблица 15. Уточненные праформы лично-числовых показателей Odu/pl

Table 15. Refined protoforms of personal inflexions of Odu/pl-conjugation

	ПСС	т. нен.	эн.	нг.
1Sg	*-nâ	-n°	-no	-NƏ
1Du	*-nâ-in	-nyih	-ñih	-NI ^C
1Pl	*-nâ-ât vs. *-nât	-naq	-naq	-NU?
2Sg	*-tâ	-d°	-ðo	-TƏ
2Du	*-tâ-in	-dyih	-ðih	-TI ^C
2Pl	*-tâ-ât vs. *-tât	-daq	-ðaq	-TU?
3Sg	*-tâ	-da	-ða	-TU
3Du	*-ta-in	-dyih	-ðih	-TI ^C
3Pl	*-ton	-doh	-ðuh	-TUĐ

Как уже говорилось, эти показатели материально тождественны посессивным суффиксам, использующимся в номинативе / аккузативе при двойственном / множественном числе обладаемого. Как показано в [Хелимский 1983 /2000: 47], эта серия посессивных показателей не представлена в камасинском, но сохранилась (только в виде реликта — склонение основы *śi-*, используемой при образовании аккузатива личных местоимений) в селькупском. Соответственно, эта серия показателей (в функции именных посессивных суффиксов) возводится на общесамодейский уровень, и, следовательно, отсутствие ее в камасинском должно объясняться именно ее утратой (а не изначальным отсутствием). Следовательно, теоретически можно предполагать параллельную утрату этой серии посессивных показателей и показателей объектного спряжения при объекте двойственного / множественного числа в селькупском и камасинском. Следовательно, можно допустить, что парадигма объектного спряжения с двумя рядами лично-числовых показателей (для объекта единственного и для объекта двойственного / множественного числа), материально тождественных именным посессивным показателям, существовала уже в праязыке.

Необходимо также реконструировать показатель объекта множественного числа. Его присутствие в ненецком и энецком манифестируется изменением гласного грамматического показателя, занимающего слот перед лично-числовыми показателями Odu/pl, а в нганасанском, дополнительно — палатализацией согласного лично-числового показателя типа OpI3 *-t'u* < **-j-ta*^o. Таким образом, этот показатель реконструируется как **-j*, перед которым происходит изменение гласного предшествующего грамматического показателя. Эта реконструкция вполне общепринята, см. [Mikola 2004: 124]; дополнительной аналогией, поддерживающей такую реконструкцию, является то, что подобные фонетические изменения происходят перед показателем AscpI, который также реконструируется как **-j* (см. об этом показателе со ссылкой на литературу в [Kuṁnar 1971: 54]). Совокупность чередований этого типа удобно определять как *йотирование*. Ниже оно иллюстрируется на ненецком материале по данным [Salminen 1997].

Таблица 16. Вокалические чередования, вызванные *j, в глаголах в показателях времени и наклонения в Odu/pl-спряжении и в именах в форме AccPl (на ненецком материале)

Table 16. Vocal alternations caused by *j in verbs in TAM markers in Odu/pl-conjugation and in names in the AccPl form (based on Nenets material)

Тип чередования ¹⁵	Показатель в Osg-спряжении	Показатель в Odu/pl-спряжении	Основа существительного в NomSg	Форма AccPl
<i>a</i> → <i>i</i>	<i>-rəxa</i> 'аппроксиматив'	<i>-rəxi</i>	<i>ɲawəka</i> 'домашний олененок'	<i>ɲawəki</i>
<i>ya</i> → <i>yü</i>	<i>wanəɲkəbya</i> 'суперпробабилитив'	<i>wanəɲkəbyi</i>	<i>ɲodya</i> 'ягода'	<i>ɲodyi</i>
<i>a</i> → <i>yü</i>	<i>-rəwa</i> 'дезидератив'	<i>-rəbyi</i>	<i>ɲuda</i> 'рука'	<i>ɲudyi</i>
<i>e</i> ~ <i>iə</i>	<i>-we</i> 'инферентив' ¹⁶	<i>-wiə</i>	<i>pone-da</i> 'его одежда'	<i>poniə-da</i> 'его одежды' ¹⁷
<i>a</i> → <i>i</i>	<i>-wəna</i> 'репутатив'	<i>-wənə</i>	<i>xoba</i> 'шкура'	<i>xobə</i>
<i>a</i> → <i>yə</i> ¹⁸	<i>-sa</i> 'интеррогатив'	<i>-syə</i>		
<i>yü</i> ≡	<i>-yü</i> 'конъюнктив'	<i>-yü</i>	<i>yiryü</i> 'дед'	<i>yiryü</i>
<i>ə</i> ≡	<i>-xə</i> 'хортатив'	<i>-xə</i>	<i>lədə</i> 'торс'	<i>lədə</i>

Показатель двойственного числа объекта выступает в тундровом ненецком в виде *-xəyü* (*teɲaxəyüda* 'он сделал их двоих'),

¹⁵ Обозначается в соответствии с нотацией, принятой в [Salminen 1998].

¹⁶ В терминологии [Salminen 1997] — 'нарратив'.

¹⁷ Для основ этого морфонологического типа (как в именах, так и в глаголах) не показательны формы перед синхронным нулевым суффиксом, или, иначе говоря, в абсолютном исходе словоформы, поэтому надо сравнивать формы с дополнительным суффиксальным оформлением.

¹⁸ Только этот тип чередований не находит аналогий в образовании форм AccPl у имен.

в нганасанском в виде *-KƏI-J* (*кода?akəit'ü* ‘он убил их двоих’), в лесном и тундровом энецком в виде *-хии* (*риҥахиуда* ‘он положил их двоих’); в энецком показатель *-хии*, очевидно, возник в результате ассимиляции из этимологически корректного прото-энецкого ***-хой*, где эн. *o < *ə*). Нганасанский показатель морфологически наиболее прозрачен: это комбинация показателя двойственного числа (**-kəń*) с показателем *J*, который отождествляется с показателем множественного объекта **j*. Т. Микола [Mikola 124] не отмечает составной характер показателя двойственного числа объекта и восстанавливает его в виде **-kəj*, но такая праформа, очевидно, не может объяснить вид этого показателя ни в нганасанском, ни в ненецком, ни в энецком. Развитие **-kəń-j > нг. -KƏI-J*, протоэн. *-хой*, т. нен. *-хэуи* объясняется наличием эпентетического гласного **ə* между показателем двойственного числа **-kəń* с консонантным ауслаутом и последующим показателем, состоящим из согласного. Выше это явление уже обсуждалось применительно к образованию форм GenDu, которые содержат тот же показатель двойственного числа **-kəń*, однако, как мы видим, фонетически здесь результат иной. Почему это так, можно объяснить, если принимать во внимание не морфемные границы, а границы между слогами (обозначим их ||). Внутри слога взаимодействие между фонемами оказывается теснее, чем взаимодействие через границу слога¹⁹. Очевидно, именно границы между такими ритмическими единицами, а не границы между морфемами, определяют возможность тех или иных фонетических переходов: слоговые границы и фонетические переходы суть явления одного — фонетического — уровня, тогда как морфемные границы представляют уже следующий уровень. Ниже таким образом проанализированы три формы: 1) форма GenDu абсолютного склонения, 2) форма GenDu-3Sg, иллюстрирующая притяжательное склонение, в котором показатель двойственного числа имеет точно ту же форму, что и показатель двойственного числа объекта объектного спряжения, и 3) форма

¹⁹ При этом граница в последовательностях типа CVJCV в нганасанском с течением времени смещается от CVJ||CV к CV||JCV.

объектного спряжения с объектом двойственного числа и субъектом 3-го лица единственного числа:

А.**GenDu**

Морфемные границы:

*-kâñ-â-jt

Слоговые границы:

*-kâ\\ñâjt > -kâ\\ñâin > -kâ\\ñiñ > -kâ\\jiñ > -kâ\\ĩñ > нг. -KI^C, эн. -xi-ʔ, нен. -xâ-h, но

Б.**GenDu-3Sg**

Морфемные границы:

*-kâñ-â-jt-tâ

Слоговые границы:

*-kâ\\ñâj\\ttâ > *-kâ\\ñij\\Ctâ > *-kâ\\jij\\^Ctâ > *-kâ\\ji\\^Ctâ > *-kâji\\^Ctâ > нг. -KƏI^C-TU, эн. -xuu-ta, нен. -xəyu-ta и

Odu-3Sg

Морфемные границы:

*-kâñ-â-j-tâ

Слоговые границы:

*-kâ\\ñâj\\tâ > *-kâ\\ñij\\tâ > *-kâ\\jij\\tâ > *-kâ\\ji\\jtâ > *-kâji\\jtâ > нг. -KƏI-J-TU, эн. -xuu-da, нен. -xəyu-da.

3.2. Реконструкция показателей субъектного спряжения

Ниже приводится таблица, в которой сопоставлены показатели субъектного спряжения по языкам.

Таблица 17. Показатели S-спряжения в самодийских языках: сводные данные

Table 17. Personal inflexions of S-conjugation in Samoyedic languages: data

	т.нен	эн.	нг.	ск.	км.
1Sg	$-d^{\circ}m \sim$ $-m^{\circ}h$ ²⁰	<i>-дох</i>	$-M \sim$ $-T\Theta M$ ²¹	<i>-аη</i>	$-m \sim$ $-t\theta m$ ²²
1Du	<i>-nyih</i>	<i>-bih</i>	$-MI^C$	<i>-ji \sim -mī</i>	$-b^{\omega}i$
1Pl	<i>-waq</i>	<i>-baq</i>	$-MU?$	<i>-m\theta t</i>	$-b\epsilon?$
2Sg	$-n^{\circ}$	<i>-do</i>	$-I\theta$	<i>-ant\theta</i>	$-A$
2Du	<i>-dyih</i>	<i>-rih</i>	$-RI^C$	<i>-lī</i>	$-A^{\omega}i$
2Pl	<i>-daq</i>	<i>-raq</i>	$-RU?$	<i>-l\theta t</i>	$-l\epsilon?$
3Sg	$-\emptyset$	$-\emptyset$	$-\emptyset$	$-\emptyset (-a, -\theta)$	$-\emptyset \sim -i$
3Du	$-x^{\circ}h$	ТЭ <i>-xoh</i> ~ ЛЭ <i>-xih</i>	$-K\Theta J$	$-k\theta / -k\bar{i}$ (ПЮК)	$-g^{\omega}i$
3Pl	$-q$	$-q$	$-?$	$-t\theta t$ ($\sim -t$ (H) ~ $-t\theta n$ (O))	$-i?$

Можно видеть, что показатели субъектного спряжения демонстрируют большее разнообразие при межъязыковом сопоставлении. В *Таблице 16* ниже материал систематизирован следующим образом: в тех случаях, когда рефлексы некоторой праформы представлены более чем в одном языке, этот показатель вносится в таблицу в виде праформы (и все его рефлексy в языках-потомках отображаются в одной строке), если же показатель встречается только в одном языке, он вносится в таблицу в той форме, в которой он был

²⁰ Показатель $-m^{\circ}h$ используется в западных диалектах.

²¹ Показатель $-T\Theta M$ используется в императивной парадигме.

²² Показатель $-t\theta m$ используется в императивной парадигме.

зафиксирован (и, соответственно, не снабжается астериском, указывающим на реконструкцию²³):

Таблица 18. Сопоставление показателей S-спряжения в самодийских языках

Table 18. Comparison of personal inflexions of S-conjugation in Samoyedic languages

	Т.НЕН	ЭН.	НГ.	СК.	КМ.
1Sg	* <i>-tâm</i>				* <i>-tâm</i>
			* <i>-m</i>		* <i>-m</i>
	<i>-mân</i>				
				<i>-aj</i>	
1Du	<i>-nyih</i> (< * <i>-nâ-in</i>)				
		* <i>-mâ-in</i>			
				<i>-ji</i>	
1Pl	* <i>-mâ-ât</i> vs. * <i>-mât</i>				
2Sg	* <i>-ntâ</i>			* <i>-ntâ</i>	
			* <i>-n</i>		
					* <i>-r</i>
2Du	<i>-dyih</i> (< * <i>-dâ-in</i>)				
		* <i>-râ-in</i>			
2Pl	<i>-daq</i> (* <i>-tâ-ât</i> vs. * <i>-tât</i>)				
		* <i>-râ-ât</i> vs. * <i>-rât</i>)			
3Sg	* \emptyset				
3Du	* <i>-kâh</i>				
				* <i>-kâ</i>	
3Pl	* <i>-t</i>				
				<i>-tət</i>	
				<i>-tən</i>	

²³ Этот принцип трижды нарушается для ненецкого: хотя ненецкие показатели 1Du, 2Du и 2Pl в субъектном спряжении уникальны в сравнении с показателями субъектного спряжения других самодийских языков, в ненецком эти три суффикса обобщились из парадигмы объектного спряжения, то есть они имеют общесамодийское происхождение и общесамодийскую праформу.

Распространение в разных ветвях самодийских языков позволяет возвести на прасамодийский уровень следующие показатели субъектного спряжения, отличные от показателей объектного спряжения:

Таблица 19. Лично-числовые показатели S-спряжения, не совпадающие с показателями Osg и Odu/pl-спряжений

Table 19. Personal inflexions of S-conjugation, which are not identical to inflexions of Osg и Odu/pl-conjugations

1Sg	*-tâm
2Sg	*-ntâ
3Sg	*-∅ (= NomSg)
3Du	*-kâñ (= NomDu)
3Pl	*-t (= NomPl)

В остальных клетках парадигмы используются показатели, совпадающие с объектным спряжением. При этом формирование полной парадигмы субъектного спряжения, по всей видимости, можно отнести также к прасамодийской эпохе — несмотря на отдельные отличия между языками, показатели, заимствованные из парадигмы объектного спряжения, также представлены во всех самодийских языках. Таким образом, полная история парадигмы субъектного спряжения в самодийских языках может быть представлена достаточно компактно (см. *Таблицу 20*, с. 286).

Далее остается прокомментировать показатели, не входящие в эту парадигму.

Показатели 1Sg

1. Показатель 1Sg *-m (нганасанский, камасинский, также не включенный в таблицу маторский). Этот показатель, очевидно, не может рассматриваться как распространение показателя

Таблица 20. История S-спряжения в самодийских языках

Table 20. History of S-conjugation in the Samoyedic languages

1Sg	*-tām
1Du	= 1DuOsg
1Pl	= 1PlOsg
2Sg	*-ntā
2Du	= 2DuOsg
2Pl	= 2PlOsg
3Sg	*-∅ (= именной Sg)
3Du	*-kāñ (= именной Du)
3Pl	*-t (= именной Pl)

объектного спряжения *-mā в парадигме субъектного спряжения. Показатель *-m выглядит как более поздний в сравнении с *-tām: во-первых, *-tām представлен в большем количестве языков, в том числе и в тех языках (камасинском и нганасанском), в которых представлен *-m; во-вторых, в двух названных языках, в которых представлены оба показателя, сфера употребления *-tām свидетельствует о его более архаичном характере: и в селькупском, и в камасинском *-tām сохранился только в хортативной функции (ср. [Bybee et al. 1994: 295–296] о сохранении архаичных показателей в неассертивных контекстах). Так что этот показатель должен трактоваться как инновационный. В более позднюю эпоху этот показатель мог распространиться из камасинского в маторский. Этимологию показателя указать затруднительно; возможно, усечение *-tām > *-m?

2. Показатель 1Sg -mān (тундровый ненецкий) имеет соответствие в показателе ТЭ -boh ~ ЛЭ -bih 1-го лица единственного числа рефлексивного спряжения в энецком.

3. Показатель 1Sg *-ŋ*, представленный в селькупском, не имеет внутрисамодийских параллелей; в [Хелимский 1982] он рассматривается как праселькупский *-k* (а не как праселькупский **-ŋ*, как в [Alatalo Ms]) и сопоставляется с показателем 1Sg венгерских *ik*-овых глаголов — тем самым Е. А. Хелимский трактует этот показатель как прауральский показатель 1Sg рефлексивного спряжения. Однако уточнение фонетической формы селькупского показателя, сделанное Я. Алатало, исключает возможность такого сопоставления.

Показатели 1Du

1. В протоненецком произошла замена показателя 1DuOsg показателем 1DuOdu/pl.

Показатели 2Sg

1. Нганасанский показатель *-ŋ* может отражать **-n / *-ŋ*. Учитывая, что показатель **-ntš* имеет бесспорно общесамодийское происхождение, о чем говорит распространение этого показателя во всех ветвях самодийских языков, нганасанский показатель должен рассматриваться как локальная инновация.

2. В камасинском произошла нейтрализация субъектного и объектного спряжений в пользу форм объектного спряжения.

Показатели 2Du

1. В протоненецком произошла замена показателя 2DuOsg показателем 2DuOdu/pl.

Показатели 2Pl

1. В протоненецком произошла замена показателя 2PlOsg показателем 2PlOdu/pl.

Показатели 3Pl

Собственно селькупские показатели 3Pl уже обсуждались в связи с парадигмой объектного спряжения. Они, очевидно, являются инновацией на фоне общесамодийского показателя 3Pl **-t*, рефлексы которого сохранились в васюганско-парабельском диалекте селькупского.

3.3. Реконструкция показателей рефлексивного спряжения

Как уже отмечалось, серия R-спряжения представлена только в северносамодийских языках. Ниже в таблице сопоставляются лично-числовые показатели этой серии в ненецком, энецком и нгансанском.

Таблица 21. Показатели R-спряжения в северносамодийских языках: сводные данные

Table 21. Personal inflexions of R-conjugation in Northern Samoyedic languages: data

	т.нен	эн.	нг.
1Sg	-w°q	ТЭ -boh ~ ЛЭ -bih	-NƏ
1Du	-nyih	-nih	-N ^C
1Pl	-naq	-naq	-NU?
2Sg	-n°	ТЭ -do ~ ЛЭ -dyi	-D
2Du	-dyih	-δih	-NT ^C
2Pl	-daq	-δaq	-NTU?
3Sg	-q	ТЭ -q ~ ТЭ, ЛЭ -δoh	-ʔ ~ -TƏ ^C
3Du	-x°h	ТЭ -xoh ~ ЛЭ -xih	-NT ^C
3Pl	-d°q	-δoh	-NTƏ?

Далее можно систематизировать этот материал так же, как уже было сделано с показателями S-спряжения: отметить совпадающие ~ различающиеся между языками показатели.

Таблица 22. Сопоставление показателей R-спряжения в северносамодийских языках

Table 22. Comparison of personal inflexions of R-conjugation in Northern Samoyedic languages

	т. нен.	эн.	нг.
1Sg	<i>-w^oq</i>		
		ТЭ <i>-boh</i> ~ ЛЭ <i>-bih</i>	
			(N-)1SgOdu/pl
1Du	=1DuOdu/pl		(N-)1DuOdu/pl
1Pl	=1PlOdu/pl		(N-)1PlOdu/pl
2Sg	=2SgS		
2Du	2DuOdu/pl		
			N-2DuOdu/pl
2Pl	2PlOdu/pl		
			N-2PlOdu/pl
3Sg	* <i>-t³</i>		
		* <i>-tân</i>	
3Du	* <i>kân</i> (=3DuS)		
			(N-)3DuOdu/pl
3Pl	* <i>-tât³</i>		
			N-* <i>tât³</i>
		<i>-ôoh</i>	

Парадигма рефлексивного спряжения демонстрирует наибольший разброс в форме показателей. Тем не менее можно выделить несколько общих принципов:

- 1) особые прасеверносамодийские формы 3Sg **-t³* и 3Pl **-tât³*;
- 2) использование в клетках парадигмы 1Du, 1Pl, 2Du, 2Pl флексий объектного спряжения из парадигмы объекта множественного / двойственного числа;

3) использование во 2Sg флексии субъектного спряжения²⁴.

Остальные показатели распределены следующим образом.

В нганасанском принцип использования показателей объектной серии при объекте мн. ч. распространен далее — на показатели 1Sg и 3Du. Иначе говоря, в нганасанском в парадигме рефлексивного спряжения представлены рефлексы двух лично-числовых прасеверносамодийских показателей, которые специфичны именно для этой парадигмы, во всех же остальных случаях лично-числовые показатели рефлексивного спряжения демонстрируют формальный параллелизм с лично-числовыми показателями OpI.

В нганасанском перед лично-числовыми показателями дополнительно выделяется элемент N (эксплицитно — во 2Du и 2Pl, возможно также в 1Sg, 2Sg, 3Du, 1Pl, где гипотетически протонганасанское **-n-nə* > *-nə*, протонганасанское **-n-ŋ* > *-ŋ*, протонганасанское **-n-ni^c* > *-ni^c*, протонганасанское **-n-niʔ* > *-niʔ*). Следует специально обратить внимание на то, что в нганасанском этот показатель *-N* употребляется во флексии 3Pl *-N-Təʔ*, второй элемент которой является рефлексом собственно глагольной прасеверносамодийской флексии 3Pl R-спряжения **-təʔ³* — это исключает возможную гипотезу о связи показателей с начальным назальным элементом с именной посессивной парадигмой генитива единственного числа (с которой она имеет значительное формальное сходство): истоки элемента нг. *-N* следует искать в собственно глагольных суффиксах.

Т. Микола комментирует возникновение этого показателя в нганасанском следующим образом: «Известно, что в нганасанском существует чередование *-nt-* ~ *-t-*, зависящее от числа мор. Все данные свидетельствуют о том, что нганасанское рефлексивное спряжение развилось благодаря тому, что под влиянием чередования *-nt-* ~ *-t-* наряду с закономерными формами с *-t-* возникли также формы с *-nt-*, которые позже были реинтерпретированы как признак рефлексивного спряжения» [Mikola 2004: 127]. Эта гипотеза, однако, вызывает

²⁴ В лесном энцеком показатель выступает в форме *-dyi*. Появление этого варианта аргументированно объяснить затруднительно.

следующее возражение: почему фонетически нерегулярные формы с *-nt-* возникают в рефлексивном спряжении? Такой процесс подмены этимологически одиночного смычного кластером, в котором смычному предшествует гоморганный назальный, не характерен для нганасанского языка.

Следует отметить, что такой показатель **-N* в нганасанском можно выделить этимологически, как и в упоминавшихся выше именных парадигмах генитива посессивного склонения, однако на синхронном уровне он невыделим — в частности, он не выступает как отдельная морфонема, например, не «закрывает» предыдущий слог (ср. со случаями с выделяемыми на синхронном уровне морфонемами, закрывающими слог; примером могут служить показатели LocSg *-NTƏNU*, в котором кластер NT выступает перед открытым слогом в слабой ступени: *hütəðə-tənu* ‘в туловище’ и LocPl *-NT^cNU*, который сохраняет сильную ступень этого кластера перед этимологически закрытым слогом: *hütəðə-ndinü* ‘в туловищах’. [Хелимский 1994: 197]).

Можно предположить, что *-N*, представленный в нганасанской парадигме рефлексивного спряжения, восходит не к **n*, а к **ñ*. Гипотетически такое фонетическое развитие вполне возможно, ср. в связи с этим морфонологическое поведение нганасанского суффикса *-N*, который Б. Вагнер-Надь определяет как выражающий медиальную семантику. Примером его употребления является нг. глагол *hin-* ‘свариться, вскипеть, созреть, поспеть’ (~ *hi-ri-* ‘сварить’) [Wagner-Nagy 2019: 531]. Глаголы с этим (непродуктивным) суффиксом имеют одну примечательную морфонологическую особенность в спряжении, на которую указал М. Кацшманн [Katzschmann 2008: 522]: в коннегative финальный *-n* основы выпадает — что не происходит в формах глаголов с этимологическим **-n*, — таких, как, например, *huan-* ‘положить’. Это заставляет предположить, что представленный в глаголе *hin-* ‘свариться’ суффикс *-N* восходит не к **n*, а к **ñ*. При этом важно отметить, что перед шумными согласными этот суффикс сохраняется, то есть рефлексация ауслатного **ñ* с точки зрения морфонологии различается в именах (*t'üüj* (GenSg *t'üüñe?*) ‘одеяло’ — 3Sg *t'üüt'u* < протонганасанское **t'üüj-tu*) и глаголах (ср. формы инфинитива *hin-si*

и 3 л. ед. ч. прошедшего времени *hin-siə*). При этом формы типа *hin-si* морфонологически идентичны нганасанским показателям рефлексивного спряжения типа показателя 3P1 *-NTƏ?*.

Рассмотрим соответствия нганасанских медиальных **ń*-глаголов в ненецком и энецком:

Таблица 23. Соответствия нганасанских медиальных **ń*-глаголов в ненецком²⁵ и энецком (CN — коннегатив)

Table 23. Correspondences of Ngasan medial **ń*-verbs in Nenets and Enets (CN — connegative):

	нганасанский	ненецкий	энецкий
	<i>хойминси</i> (CN <i>хойми?</i>) ‘быть тёмным’	<i>pæwə(sy°)</i>	<i>pei- (δ)</i>
	<i>чиминси</i> (CN <i>чими?</i>) ‘спешить, торопиться’		
	<i>хинси</i> (CN <i>хи?</i>) ‘свариться’	<i>pyi/sy°</i>	<i>pi-</i>
<i>-ń</i>	<i>люмўнся</i> (CN <i>люмў?</i>) ‘бежать, убегать (о животном), бежать галопом’ < *‘испугаться’ ²⁶		<i>l'umo-</i>
	<i>мэнюнся</i> (CN <i>мэню?</i>) ‘любить’	? <i>menye(sy°)</i>	
	<i>ченынсы</i> (также <i>ченыди</i>) (CN <i>чены?</i>) ‘знать; уметь; помнить’	<i>tyenye(sy°)</i> помнить	<i>tene-</i>

Как видно из этой таблицы, ауслатному нганасанскому *-ń* в глагольных основах медиальной семантики в ненецком и энецком

²⁵ В ненецком рефлекс **ń* сохраняется в виде ауслатного *n* (морфонологически *n:ɥ*) в группе каптативных глаголов типа *mərajkin/cy°* ‘собирать морошку’ или *uəbtun/cy°* ‘охотиться на гусей’. Разница в рефлексах медиального и каптативного суффиксов обусловлена, вероятно, тем, что второй является вполне продуктивным суффиксом, что поддерживает сохранение ненулевой формы показателя, маркирующего каптативное значение.

²⁶ На это значение указывают энецкие соответствия типа *l'umo-* ‘испугаться’, *l'umogađo* ‘пугливый’ и т. д.

соответствует отсутствие согласного (возможно, через стадию *j*, но в итоге — с выравниванием морфонологии по типу глаголов с вокалическим ауслутом). Можно предполагать, что такой же рефлекс дал бы в этих двух языках и **-ń*, который восстанавливается на основе форманта рефлексивного спряжения нганасанского языка.

Во всех трех самодийских языках в рефлексивном спряжении грамматические показатели, предшествующие лично-числовым, претерпевают те же фонетические изменения, что и в Odu/pl-спряжении. Естественно предположить, что **ń* как палатальный согласный приводит к тем же изменениям гласного предшествующего грамматического показателя в R-спряжении, к каким приводит **j* в Odu/pl-спряжении. При этом в нганасанском сам **ń* сохраняется как нг. *N*, а в энецком и ненецком он (аналогично **ń* в медиальных глаголах) в итоге переходит в ноль. Соответственно, в современном состоянии в энецком и ненецком правила модификации грамматической основы в Odu/pl-спряжении и R-спряжении выглядят практически идентично: присоединение лично-числовых показателей обоих спряжений вызывает йотирование гласного предшествующего грамматического показателя. Однако сопоставление с нганасанским материалом показывает, что в парадигме Odu/pl-спряжения йотирование вызвано **j*, но в парадигме R-спряжения — **ń*.

Как только что было сказано, правила модификации грамматической основы в Odu/pl-спряжении и R-спряжении выглядят практически идентично. Однако в ненецком есть морфонологический класс основ, в котором грамматическая основа в Opl-спряжении отличается от грамматической основы в R-спряжении. Это различие представлено в том случае, если глагольный грамматический показатель характеризуется чередованием типа *e~iä*: это пробабилитивы (перфективный и имперфективный), облигатив и инферентив (в [Salminen 1997] последняя форма называется нарративом). Приведу часть спряжения инферентива глагола *tonta-* ‘накрыть(ся)’ из [Salminen 1997: 112]:

Таблица 24. Фрагмент парадигмы спряжения глагола *tonta-* ‘накрыть(ся)’ в инферентиве из [Salminen 1997: 112]

Table 24. Fragment of the conjugation of the verb *tonta-* ‘to cover’ in the inferentive from [Salminen 1997: 112]

	Opl	R
1Sg	<i>tonta-wiə-nə</i>	<i>tonta-we-wəq</i>
2Sg	<i>tonta-wiə-də</i>	<i>tonta-we-nə</i>
3Sg	<i>tonta-wiə-da</i>	<i>tonta-wiə-q</i>
1Du	<i>tonta-wiə-nyih</i>	<i>tonta-we-nyih</i>
2Du	<i>tonta-wiə-dyih</i>	<i>tonta-we-dyih</i>
3Du	<i>tonta-wiə-dyih</i>	<i>tonta-we-xəh</i>
1Pl	<i>tonta-wiə-naq</i>	<i>tonta-we-naq</i>
2Pl	<i>tonta-wiə-daq</i>	<i>tonta-we-daq</i>
3Pl	<i>tonta-wiə-doh</i>	<i>tonta-wiə-dəq</i>

Кажется, что различие алломорфов инферентивного показателя (-*wiə* в Opl-спряжении, *we* в рефлексивном спряжении) обусловлено именно тем, что йотирование в этих двух парадигмах вызвано разными показателями: *-*j* в Opl-спряжении, *-*ŋ* — в R-спряжении.

При этом, говоря о йотировании в R-парадигме, мы должны особо рассмотреть две формы: 3Sg и 3Pl. Для 3Sg показательна только нганасанская форма: в ненецком в финальном слоге по общему правилу основа класса *e~iə* должна иметь алломорф с *iə*. Интересна нганасанская форма, в которой представлено йотирование — несмотря на то, что в этой форме нет показателя *N*. Форма 3Pl, наоборот, требует объяснения в ненецком: в ней представлен алломорф -*wiə* вместо ожидаемого **-*we*, то есть йотирование как будто бы идет по *j*-типу, а не по *ŋ*-типу (хотя в нганасанском в соответствующей форме есть *N*, ср. нг. -*NTƏ?*).

Есть две логических возможности объяснить это. Первая возможность опирается на гипотезу о двухэтапном формировании рефлексивной парадигмы. Учитывая, что на прасеверносамодийский уровень, как уже говорилось, для рефлексивного спряжения возводятся

только два особых лично-числовых показателя — 3Sg $-t^3$ и 3Pl $-tat^3$ — можно предполагать, что именно эти две формы возникают первыми, и в них представлен не $*-ń$, как во всех остальных формах рефлексивной парадигмы (возникающих, очевидно, позже), а какой-то иной показатель — $*-j$ (а в нганасанском он позже заменяется на $*-ń$). Вторая гипотеза опирается на идею парадигматического выравнивания. Следует предполагать, что в форме 3Sg $*-ń$ должен был исчезнуть перед финальным одиночным шумным смычным. Тем не менее в нганасанском в этой форме все равно выступает «йотированная» основа, обобщившаяся во всей парадигме. В ненецком форма 3Sg, как уже было сказано, как раз регулярна: перед суффиксом, состоящим из одного согласного, то есть в финальном слоге, должен выступать алломорф показателя с $i\partial$. А форму 3Pl можно объяснить аналогическим выравниванием по форме 3Sg. Кажется, что второе объяснение логически существенно проще: первое предполагает наличие двух разных показателей, и при этом мы все равно должны дополнительно прибегать к идее аналогического выравнивания, чтобы объяснить форму 3Pl с N в нганасанском, второе позволяет ограничиться реконструкцией единственного показателя $*-ń$ для рефлексивной парадигмы и предполагает один случай аналогического выравнивания в нганасанском и один — в ненецком. Энецкий материал ничего дополнительно не дает для разрешения этой дилеммы.

4. Заключение

Итак, в статье дан обзор истории формирования парадигм глагольного спряжения в самодийских языках. В значительной части эта работа опирается на реконструкции, предложенные в работах предшественников, поэтому я отмечу в *Заключении* только то новое, что удалось показать в данной статье. Во-первых, это уточнение реконструкции личных показателей двойственного числа субъекта: уточнена их фонетическая реконструкция, а также обосновано, что эти показатели достаточно долго продолжали сохранять составной характер

(как минимум после распада северносамодийской общности это было еще так). Во-вторых, уточнена реконструкция показателя двойственного числа объекта в объектном спряжении: этот показатель является неэлементарным, его фонетическое развитие указывает на комбинацию общесамодийского показателя двойственного числа **-kâh* и показателя объекта множественного числа **-j*, между которыми появляется эпентетический гласный. В-третьих, на материале форм, содержащих показатель двойственного числа **-kâh*, показано, что фонетическое развитие одних и тех же показателей может идти различным образом в зависимости от слоговой структуры грамматических форм, в которых употребляются эти показатели. В-четвертых, предложена реконструкция показателя рефлексивного спряжения **h*.

Список условных сокращений

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; Acc — аккузатив; Du — двойственное число; El — элатив; Gen — генитив; O — объектное спряжение; Nom — номинатив; Pl — множественное число; Poss — посессивные формы имени; R — рефлексивное спряжение; Sg — единственное число.

Языки и диалекты

км. — камасинский; ЛЭ — лесной энецкий; мт. — маторский; нг. — нганасанский; ПС — прасамодийский; ПСС — прасеверносамодийский; ск. — селькупский; т. нен. — тундровый ненецкий; ТЭ — тундровый энецкий; эн. — обшэнецкий.

Литература

Гусев 2018 — В. Ю. Гусев. О коаффиксах локативных падежей и о локативных прилагательных в самодийских языках. Доклад на 7-й международной конференции по самодистике. Тартуский университет, Тарту, 26–27 октября 2018 г. Ссылка на презентацию: URL: https://sisu.ut.ee/sites/default/files/samoyedology2018/files/gusev_tartu-2018_presentation.pdf (дата обращения 20.08.2022).

- ОчСЯ 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Хелимский 1982 — Е. А. Хелимский. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М.: Наука, 1982.
- Хелимский 1983 // 2000 — Е. А. Хелимский. Прасамодийские серии посессивов и их рефлексy // Вяч. Вс. Иванов, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева (ред.). Категория притяжательности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1983. С. 107–112 (цитируется по публикации: Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 45–49).
- Хелимский 1994 — Е. А. Хелимский. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. М.: РГГУ, 1994. С. 190–221.
- Alatalo Ms. — J. Alatalo. The morphophonemes of the Selkup language (under preparation).
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Evolution of grammar. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Castrén 1854 — M. A. Castrén. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Bedruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.
- Donner, Joki 1944 — A. J. Joki. Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1944.
- Helinski 1997 — E. Helinski. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy. (Studia uralo-altaica 41). Szeged: Szeged University, 1997.
- Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. (Castrénianum Toimitteita, 17). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.
- Janhunen 1998 — J. Janhunen. Samoyedic // D. Abondolo (ed.). The Uralic Languages. London; New York: Routledge, 1998. P. 457–479.
- Katzschmann 2008 — M. Katzschmann. Chrestomathia Nganasanica. Texte. Übersetzung. Glossar. Grammatik. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2008.
- Khanina, Shluinsky 2019 — O. Khanina, A. Shluinsky. Intransitive verbs in Enets: A contribution to the typology of split intransitivity // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2019. Vol. 38. Iss. 1. P. 1–36. DOI: 10.1515/zfs-2019-0001.
- Khanina, Shluinsky 2023 — O. Khanina, A. Shluinsky. Enets // D. Abondolo, R. Välijärvi (eds.). The Uralic languages: 2nd edition. Abingdon: Routledge, 2023. P. 793–852. DOI: 10.4324/9781315625096-18.

- Körtvély 2005 — É. Körtvély. Verb conjugation in Tundra Nenets. (Studia Uralo-Altaica. Vol. 46). Szeged: SZTE Finnugor Tanszék, 2005.
- Künnap 1971 — A. Künnap. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. Vol. 1. Numeruszeichen und Nominalflexion. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.
- Künnap 1978 — A. Künnap. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. Vol. 2. Verbalflexion und Verbalnomina. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.
- Mikola 2004 — T. Mikola. Studien zur Geschichte der Samojedischen Sprachen. Aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy. (Studia Uralo-Altaica. Vol. 45). Szeged: SzTE Finnisch-Ugrisches Institut, 2004.
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia. Vol. 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998 — T. Salminen. A morphological dictionary of Tundra Nenets. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. 26). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Wagner-Nagy 2018 — B. Wagner-Nagy. A grammar of Nganasan. Leiden: Brill, 2018.

References

- Alatalo Ms. — J. Alatalo. *The morphophonemes of the Selkup language* (under preparation).
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *Evolution of grammar*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Castrén 1854 — M. A. Castrén. *Grammatik der Samojedischen Sprachen*. St. Petersburg: Bedruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.
- Donner, Joki 1944 — A. J. Joki. *Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1944.
- Gusev 2018 — V. Yu. Gusev. *O koaffiksakh lokativnykh padezhey i o lokativnykh prilagatelnykh v samodiyskikh yazykakh* [Co-affixes of local cases and locative adjectives in Samoyed. Paper presented at the 7th International Conference on Samoyed Studies. Tartu University, Tartu, 26–27 October 2018]. Presentation available at: https://sisu.ut.ee/sites/default/files/samoyedology2018/files/gusev_tartu-2018_presentation.pdf (accessed on 20.08.2022).
- Helimski 1997 — E. Helimski. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy*. (Studia uralo-altaica 41). Szeged: Szeged University, 1997.

- Helimsky 1982 — E. A. Helimsky. *Drevneyshiye vengersko-samodiyskiye yazykovyye paralleli (Lingvisticheskaya i yetnogeneticheskaya interpretatsiya)* [Earliest Hungarian–Samoyedic linguistic parallels (Linguistic and ethnogenetic interpretation)]. Moscow: Nauka, 1982.
- Helimsky 1983 // 2000 — E. A. Helimsky. Prasamodiyskiye serii possessivov i ikh refleksy (Protosamoyedic sets of possessive markers and their reflexes). Vyach. Vs. Ivanov, T. N. Moloshnaya, T. M. Nikolayeva (eds.). *Kategoriya prityazhatelnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Moscow: Nauka, 1983. P. 107–112 (republished in: E. A. Helimskiy. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stati* [Comparative and Uralic studies. Lectures and papers]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 45–49.
- Helimsky 1994 — E. A. Helimsky. Ocherk morfonologii i slovoizmenitelnoy morfologii nganasanskogo yazyka [Essay on morphophonology and inflectional morphology of the Nganasan language]. E. A. Helimsky (ed.). *Taymyrskiy etnolingvisticheskiy sbornik* [Taimyr ethnolinguistic volume]. Iss. 1: *Materialy po nganasanskomu yazyku i shamanstvu* [Materials on Nganasan language and shamanism]. Moscow: Russian State University for Humanities Press, 1994. P. 190–221.
- Janhunen 1977 — J. Janhunen. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.
- Janhunen 1998 — J. Janhunen. Samoyedic. D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London; New York: Routledge, 1998. P. 457–479.
- Katzschmann 2008 — M. Katzschmann. *Chrestomathia Nganasanica. Texte. Übersetzung. Glossar. Grammatik*. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2008.
- Khanina, Shluinsky 2019 — O. Khanina, A. Shluinsky. Intransitive verbs in Enets: A contribution to the typology of split intransitivity. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2019. Vol. 38. Iss. 1. P. 1–36. DOI: 10.1515/zfs-2019-0001.
- Khanina, Shluinsky 2023 — O. Khanina, A. Shluinsky. Enets. D. Abondolo, R. Välijärvi (eds.). *The Uralic languages: 2nd edition*. Abingdon: Routledge, 2023. P. 793–852. DOI: 10.4324/9781315625096-18.
- Körtvély 2005 — É. Körtvély. *Verb conjugation in Tundra Nenets*. (Studia Uralo-Altaica. Vol. 46). Szeged: SZTE Finnugor Tanszék, 2005.
- Künnap 1971 — A. Künnap. *System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe*. Vol. 1. *Numeruszeichen und Nominalflexion*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.
- Künnap 1978 — A. Künnap. *System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe*. Vol. 2. *Verbalflexion und Verbalnomina*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978.

- Mikola 2004 — T. Mikola. *Studien zur Geschichte der Samojedischen Sprachen. Aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy*. (Studia Uralo-Altaica. Vol. 45). Szeged: SzTE Finnisch-Ugrisches Institut, 2004.
- OchSYa 1980 — A. I. Kuznetsova, Ye. A. Khelimskiy, Ye. V. Grushkina. *Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [An outline of Selkup language. Taz dialect]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University Press, 1980.
- Salminen 1997 — T. Salminen. *Tundra Nenets inflection*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998 — T. Salminen. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. 26). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Wagner-Nagy 2018 — B. Wagner-Nagy. *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill, 2018.

Получено / received 03.09.2022

Принято / accepted 21.12.2022